

Вера КИСЛЕНКОВА

Представьте, что однажды утром вы просыпаетесь, а сына или дочь подменили, как в фильме ужасов. Осталась внешняя оболочка, а на вас не поднимает глаз другое, неизвестное существо. Такой ужас Елена испытала 10 лет назад.

До полутора лет ее сынишка Егор развивался как по книжке. Но однажды на приеме у стоматолога случилась первая истерика, и наутро улыбочивый пупс превратился в незнакомца, который не давал себя обнять и не реагировал на слова.

Чужой дома

В три года их отправили на психолого-медико-педагогическую экспертизу (ПМПК), где впервые прозвучали слова "аутизм" и "необучаемый". Их не писали, подстраховываясь, но говорили. Жизнь казалась бесконечной борьбой за выживание. Месяца два Егор просыпался в час ночи и начинал кричать и биться об стену так, что соседи дважды вызывали полицию - думали, что ребенка мучают. Ничего сделать было невозможно, просто ждаты минут 40, пока он в изнеможении падал и засыпал.

Однажды он чуть не выпал из окна. За две секунды открыл шпингалеты и уже стоял на карнизе четвертого этажа, когда Лена вбежала на кухню и медленно, дрожащими руками сняла его.

Чувства страха у него не было - ни высоты, ни машин, собака идет - руку ей в пасть, - рассказывает мама.

Она хорошо помнит, с чего начался их подъем.

- Самое первое правило - научить принимать ребенка таким, как есть. Я смогла не сразу, каюсь. Стеснялась с ним куда-то ходить. Но как только перестала обращать внимание на бабушек, которые, глядя на моего ребенка, лежащего на полу, говорили: "Какой невоспитанный!", на заявления некоторых родственников, что им стыдно за Егора, что его ждет безрадостное будущее, как только я начала принимать его, дела у нас сразу пошли в гору.

Тогда же она встретилась со Светланой Стельмах, завкафедрой психологии и коррекционной педагогики ВКГУ им. С. Аманжолова и услышала от нее о холдинготерапии. Это лечение обьяняют, чтобы восстановить разорванную с

фото предоставлено автором

Больше всего, кроме родительской любви, им нужно детское общество

материю связь.

- Ребенка садишь к себе лицом на колени, крепко-крепко обнимаешь и сильно удерживаешь, - поясняет Лена. - Начинаешь с 20 минут, потом выдерживаешь так час.

Выдерживаешь, потому что он вырывается, бьется, кричит. Она ходила в синяках, поцарапанная.

- Примерно через два месяца Егор однажды обмяк на мне, и я поняла, что победила. Сын посмотрел мне в глаза, обнял, с ним вместе заплакали, и с этого момента пошел контакт, мы начали потихоньку заниматься.

Все занятия были после работы - нужно было кормить себя и ребенка.

Ей повезло найти замечательную няню. У нее, педагога, в домашнем детском саду было 10 ребятишек. И она взяла Егора. С каждым родителем Лене пришлось договариваться, объяснять, что с ее сыном. Удивительно, но дети каким-то образом понимали абсолютно неговорящего мальчишку и объясняли воспитательнице: "Это Егор пить просит".

Автобус - только синий

Каждый день был битвой. Однажды выпал снег, но ребенок ни за что не хотел одеваться.

- И мы пошли раздеваться, он в футболке и я без куртки. Шли под сне-

гом, пока он не понял, что замерз, и я его быстро одела. Люди, наверное, думали, что мать ненормальная, - вспоминает Лена.

Отказывался надевать новую шапку, вытаскивал откуда-то из гаража старую. Кроссовки надевал только одни и те же. Нога росла, Лене приходилось покупать такие же, заматывать их, старить. И так четыре раза. То же самое футболки. Ходил в одной (точнее, в одинаковых, но люди-то вокруг думали - в одной). В автобус садился только синий. Торт нужно было резать только на четыре части. И так до бесконечности. Первые результаты появились лишь через два года занятий.

А в шесть с половиной лет она от отчаянья повезла сына в Астану показать специалистам. 22 часа в автобусе, полном людей, для аутиста - невыносимое испытание. Но они доехали хорошо. Грязные, с сумками, они по карте города добрались до Центра по работе с детьми с нарушениями в развитии. Специалист, к которой они ехали, очень удивилась, но взяла их на 10 дней. Там же в Астане Егор впервые закричал "мама", увидев в океанариуме, как водолаз кормит большую рыбу.

- Я разревелась от счастья, - вспоминает Елена. Вернувшись, они почти сразу попали в коррекционный детский сад для детей с проблемами речи. Два года занятий там, а по вечерам - дома. В том же саду был первый класс. Воспитатель угваривала на школу №21, Лена настаивала: "Дайте один шанс! Не получится, сама заберу документы". Педагог ответила: "Я не

хочу, чтобы с вашим ребенком наши учителя мучились". Но на ПМПК ее поддержали три специалиста, и началась школьная жизнь Егора. Я видела его первый дневник. Весь исписанный красным. В каждой строке - оценки, замечания, благодарности.

- Учительница с ума с ним сходила. Ребенок не говорил вообще, - рассказывает Лена. - Она придумала свою методику обучения его чтению. Спрашивала с него строже, чем с других. Но справедливо. Рядом и пятерки с плюсом за труды, и двойки за письмо. Учительница моего ребенка любит, в конце первого класса дала нам грамоту "За упорство и трудолюбие". Я ей очень благодарна!

Но при садике было только два класса, и мама снова просила, чтобы сына взяли уже в обычную школу, где в классе 26 человек. Его взяли! К девяти годам Егор начал понемногу говорить. Она учила его русскому как иностранному - каждое слово, каждый родепадеш. Сидела с ним над каждым заданием.

- У нас нет выходных. Это надо делать и в субботу, и в воскресенье. И когда ты болеешь. Это титанический труд. Мы пашем, - рассказывает Лена.

Они делали все задания, просто иногда разбивали их на части. Учили не 16 строк стихотворения, а четыре. Получали тройку. "Ничего, ее тоже надо заработать", - говорила она сыну. На завтра доучивали еще четыре строки.

Сейчас Егору 12. Уже полгода он делает уроки сам, мама только проверяет. Он обожает шко-

лу, деревья, животных и дачу, на которой у него однажды дала колки даже чурка для колки дров. Он знает, как починить диван и свой велосипед, поменять лампочку. Те же самые бабушки в восторге от мальчика, потому что он здоровается с ними по имени, знает, как у каждой зовут кошку и без проблем выкидывает им мусор. Он подает маме руку, выходит из автобуса, и забирает у нее тяжелые пакеты в магазине. Конечно, не все идеально. Остались и отставание в речи, и избирательность в одежде, еде, он может интересоваться чем-то, что было интересно детям в 6-7 лет. Однажды его побили взрослые пацаны во дворе. Пришел, размазывая слезы, но не признался. Когда мама сказала: "Зови меня в следующий раз, я им покажу!" ответил: "Не надо, им будет больно". И она отдала его на дзюдо, чтобы смог дать отпор.

Врачи сегодня говорят, наверное, вам поставили неверный диагноз. Лена не спорит, главное - результат. И еще. Егор не говорил, но он все помнит с трех лет. Например, то, почему он так много кричал маленьким. Оказывалось, у него сильно болела голова.

- Он помнит, что я ему покупала одно яблоко в магазине, а сама ела роллтон, потому что было тяжело с финансами. Я никому не говорила, а он, оказывается, помнит. Спрашивает, почему? Я отвечаю: "Нравилась мне, сынок, лапша".

Когда-нибудь, он поймет, какой подвиг совершила его мама. Хотя она отказывается от этого слова.

Данил с младшим братом

фото предоставлено автором